

Евгений Голубовский

Детство

Каким было мое первое воспоминание? Мне это интересно и самому. Ведь что-то я, безусловно, представляю по рассказам близких. Лев Толстой утверждал, что помнит, как сосал материнскую грудь. Поверить трудно. Но как не поверить Льву Толстому?

Мне кажется, мое первое зримое воспоминание связано со стрессом – война, конец июля или начало августа 1941 года. Мне 4 года и 7-8 месяцев. Мы сидим на склоне у железнодорожной насыпи и ждем поезд. Мы – это я с мамой и еще несколько десятков незнакомых людей. Подходит поезд, мы садимся в теплушку и куда-то едем...

Это уже сегодня я знаю, что за день до этой эвакуации в Одессу прибыл офицер из артиллерийского дивизиона, где служил отец, а в нем было более десяти офицеров-одесситов, он объехал все семьи и сообщил, что на следующий день к двум часам нужно быть на станции Одесса-Малая, в поезде освобожден вагон для семей офицеров. На каждого пассажира по одному чемодану.

Я сказал – зримый образ. Есть ведь еще и слуховые. Нет, я не помню, какое слово произнес первым. Ни голос мамы, ни голос папы. Но я убежден, что до войны я ежедневно слышал надоедливые звонки. Уже потом, спросив у матери, узнал, что в нашем доме на Тираспольской угол Новосельского помещалась школа. И действительно, каждые 45 минут школьные звонки не давали в детстве ни заснуть днем, ни слушать сказки... До сих пор ночью я иногда просыпаюсь от звона этого колокольчика...

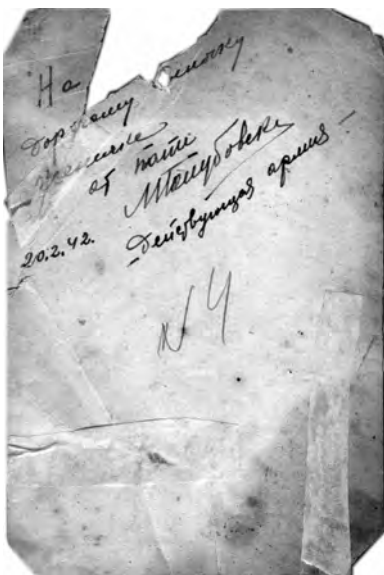
Любопытно, что я не помню ни отца, ни мать молодыми, довоенными. Единственное, что перед глазами – белая борода дедушки

Натана. Я не видел ни одной его фотографии. Если бы мне предложили нарисовать сейчас его лицо, я изобразил бы эллипс вместо головы и бороду – прямую густую белую бороду.

Кстати о фотографиях. Нет у нас в семье ни одной фотографии отца и мамы до войны. Не то что фотографии, даже зимние вещи с собой не взяли. Мама, видно, была уверена, как и многие, что война вот-вот окончится. Первую фотографию отца мы получили уже в начале 1942 года – где-то под Миллерово встретились мой дядя военврач, начальник госпиталя Макс Натанович Шапочников, двоюродный брат, офицер-пехотинец Мося Гольденталь и отец, артиллерист. Трудно представить, но такие чудеса, такие встречи случались на фронте. Иногда в книгах, в «Войне и мире», в «Докторе Живаго» такие эпизоды на фронте кажутся натяжкой. Но случайные пересечения бывали.

Это фото на память было послано всем родным. Именно таким – подтянутым, стройным – я и представлял отца в молодости.

А о маме знаю из разговоров – красивая, со склонностью

к полноте, шатенка с отливом в золото... Но это по рассказам, а белую бороду деда Натана помню.

Вот как немного сохранила память из довоенного детства.

Более того, сейчас я не понимаю, почему с нами в вагон сели близкие приятели семьи – Франя и Мура Новаки, а не мамина сестра, не жена ее брата с дедушкой Натаном. Все эвакуировались самостоятельно. Минна Борисовна Шапочникова, ее родители, сын Юра – мой двоюродный брат, оказались в Астрахани. Там дед и умер. Марию Натановну, а она взяла с собой моего двоюродного брата Сергея, свою сестру Цилю Натановну с мужем эвакуировала еще до нас чаеразвесочная фабрика, где она работала начальником цеха. Они подлежали эвакуации первыми, так как тетя еще в начале войны получила похоронку, вернее, даже справку, что ее муж комиссар Шенделис пропал без вести. Уже после войны от однополчан она узнала, что часть, где служил муж, так стремительно отступала, что оставила в штабе знамя. Это означало неминуемый суд и расстрел для комиссара. И он понял, что единственный выход – вернуться и попытаться знамя вывезти. Сел в машину и поехал назад в деревню, которую они оставили, на берег Днестра. Больше Эммануила Шенделиса никто не видел. Еврей-комиссар в руках у фашистов – его судьба была предрешена.

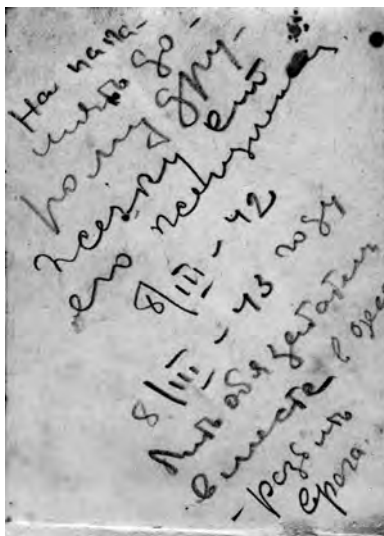
А вот с нашей поездки в военном поезде начинаются мои реальные воспоминания о войне. Несколько раз на поезд напали фашистские самолеты. Но на поездных платформах стояла артиллерия, и завязывался бой. И в эти минуты мы должны были выскакивать из вагона и бежать в степь, ждать гудка паровоза. Очень боялся отстать. Но меня подхватывала сильная рука Маргариты Новак, ей было лет 16-18, и вот я вновь в теплушке. Меня сместило название «теплушка», так как было очень жарко. А тут еще и теплушка. Но все это, как оказалось, «комфортное» путешествие закончилось в Днепропетровске.

Военным приказали окопаться и готовиться к обороне города. День или два мы еще были при части, помню авианалет, когда мы с мамой лежали под перевернутой лодкой у Днепра, а на бреющем полете стреляли из пулеметов фашистские летчики. Как видно, военным стало ясно, что долго они не продержатся, и семьи офицеров отправили на поездах в тыл.

Дорогу не помню. По рассказам взрослых знаю, что капризничал, не хотел есть ту скудную пищу, что удавалось купить. Запомнил название городка, куда мы добрались, – Бузулук. Мог бы сейчас в Интернете найти его, что-то про него написать. Но не вижу смысла. Запомнился Бузулук лепешками. Не знаю, из чего их пекли местные жители. Мне они казались очень невкусными. Понимал бы я тогда, что на наш прокорм мама продала на толкучке почти все вещи. Мама не могла найти там работу врачом. А уже была холодная осень, непролазная грязь (это реально помню), и вдруг письмо – наш сосед по даче в Одессе доктор Жолковский возглавил в Ташкенте детскую больницу, и официально пришла бумага с печатями, приглашавшая маму на работу.

И вот то ли в конце 1941, то ли в начале 1942 года мы в Ташкенте.

Запомнил улицу, дом, где мы сняли комнату, – Коммунистическая, 11. Вдоль улицы протекал большой арык. И хоть в Ташкенте мы жили год, в ощущении – сплошное лето. Впервые увидел восточный базар, впервые держал в руках пиалу...

Мама работала с утра и до вечера, и моим воспитанием занималась Маргарита Новак. От нее я услышал первые стихи – и это был не Маршак и Барто, а Симонов и Уткин. Она столько раз мне их читала, что я знал их наизусть, но выступить было не перед кем. Местные ребята понимали по-русски, но говорили с трудом, взрослые все были заняты.

Не проходящее ощущение благодарности, в какой двор ни заходил – тебя угощали: плов, лепешки, чай. И с уважением – «наши эвакуированные».

В восьмидесятых годах, работая в «Вечерке», я побывал в командировке в Ташкенте, Бухаре, Хиве. В Ташкенте нашел «наш» дом. Все изменилось, а может, изменился я. Арык был размером в один шаг, деревья были чахлые. А жители дома были новые, молодые, не помнящие войны. Перед моими глазами была моя подружка, дочь хозяина дома 10-летняя Наргиз, но найти ее я не смог.

Летом 1942 года, когда я играл на улице, увидел незнакомого человека в военном обмундировании, в черных очках, с палочкой медленно шедшего по улице и вглядывавшегося в номера домов. Кстати, они были написаны мелом на длинной глинобитной стене, дома были внутри, и в каждый вел проем-туннель даже без калитки.

И лишь когда он подошел к нашему дому, я бросился к нему. Еще не узнавая, понял, что это мой папа.

Самое время рассказать хоть вкратце о родителях. Конечно, всего этого я тогда не знал и не понимал. Узнавал по крупицам много позже. Писал десятки очерков о самых разных одесситах, работая в газете. А расспросить отца, мать, увы, не удосужился. Об этом горько думать, когда становишься старше своих родителей.

Папа приехал в Одессу в 20-х годах из Брянщины. Его отец Евсей Голубовский был арендатором леса в каком-то большом барском хозяйстве. Уже моя дочь Аня, взяв в руки его автобиографию, не поленилась и нашла городок Новый Ропск, где он родился. Оказывается, там была улица Голубовская, где жили евреи, русские, белорусы, носившие эту фамилию. В 1941 году фашисты уничтожили и местечко, и улицу, и жителей.

Почему отец приехал в Одессу? Здесь уже жил его брат Исаак, окончивший мединститут. Брат решил его воспитывать. «Я все-

го добился сам, теперь твой черед». Знаю, что папа не ожидал такого приема, обиделся, ушел от брата. Помирились они уже после войны.

Отец хотел поступить в политехнический. Пришлось идти чернорабочим. Но мечтал учиться... Поступил на заочный. Стал инженером-гидротехником, уехал работать на Урал, потом принимал участие в проектировании Днепрогэса.

Гораздо позже, после войны, я купил на Староконном 2-3 книги с его печаткой, и в одной из них были расчеты по Днепрогэсу, сделанные инженером М. Голубовским. Значит, при бомбежке погибла не вся отцовская библиотека. После проектирования Днепрогэса папу вызвали в Одессу, и до войны он работал в проектно-институте.

Но для меня главное – в Одессе он познакомился с Кларой Шапочниковой. Она стала его женой и моей мамой.

Несколько слов о ее семье Шапочниковых. В многих поколениях они жили в Балте. «Мы балтийцы», – шутил мой дядя Давид, тяжело раненный в ногу при обороне Москвы.

У моего деда Натана была своя современная на тот час, мощная мельница. Бабушка Злата воспитывала пятерых детей – Давида, Макса, Цилю, Марусю и мою маму – Клару. Революция, гражданская война разрушила и эту семью. К счастью, никто не погиб, но мельницу и дом реквизируют. Буквально бегством почти все перебрались в Одессу, где постепенно наладилась их жизнь. Давид уехал в Москву, где женился. В его дом ездили мы все, чтобы знакомиться со столицей.

Макс Натанович Шапочников стал акушером-гинекологом. Шутили, что до войны он «принял» половину Одессы. Хотела и моя мама поступить в медин, но дочь кулака не приняли. Проявив упорство, она окончила медучилище с красным дипломом, а затем и медин. Ей предлагали остаться в аспирантуре, но она вышла замуж, отец хотел детей... К маме очень хорошо относились ее педагоги-доценты И. Энгельштейн, А. Турнер, Я. Коган... С ними она дружила и после войны. Более того, устраивала консультации. Мне кажется, понятие, уже забытое в наши дни.

Очень разными людьми были отец и мать. Папа любил книги, оперу, тишину, мама – дружеские застолья, вечеринки Отец был

замкнутым человеком, мама распахнута для всех. Папа понимал, что происходит в стране, наладил приемник и на коротких волнах слушал зарубежные голоса, больше всего доверяя Би-Би-Си и комментариям Гольдберга. Для мамы весь мир составляли пациенты, друзья, семья. Как анекдот запомнилось, что на политзанятиях мама не смогла ответить на какой-то вопрос и в сердцах сказала: «Да столько работы, что «Голос Америки» не успеваешь послушать». Доктор Диамант начала истерически хохотать. И все это превратили в шутку, в анекдот, родившийся на ходу.

Но при всей разнице характеров, взглядов, интересов они прожили в браке почти полвека и, как мне казалось, не жалели об этом.

Но мысленно вернусь в Ташкент, в 1942 год...

Месяца на два в наш дом вернулась светомаскировка. Взрывной волной отцу обожгло глаза, он не мог находиться при дневном свете. Не мог читать, а для него это было катастрофой. Уже позднее я узнал, что в боях в районе города Миллерово авиабомба упала в двух метрах от «виллиса», где ехали офицеры. Машину зарыло в воронку. Когда солдаты откопали «виллис», оказалось, что водитель от удара погиб, а три офицера были без сознания от тяжелой контузии. Госпитали. Инвалидность. Для моего отца, призванного в начале 1941 года на переподготовку на шесть месяцев, война продолжалась два года. Но сумасшедшие головные боли преследовали его до конца сороковых.

Работа педиатром маму не удовлетворяла. Она не знала детские болезни Средней Азии и искала место терапевта. И тут несказанно повезло. Формировался эвакогоспиталь, возглавил его военврач-одессит и команду он набирал «одесскую». И вот еще одно реальное воспоминание: помню, как был поражен, когда однажды вечером мама пришла в костюме военврача, погоны еще не носили, но по нашивкам мы уже разбирались – старший лейтенант. Когда госпиталь был сформирован, его отправили ближе к фронту – в Сочи. Весь 1943 и половину 1944 года мы провели в этом городе. Мне кажется, я и сейчас ощущаю пряный запах белой магнолии, росшей под нашим окном.

А война действительно была близко, немцы дошли чуть ли не до Гагр. Ежедневно в бывший санаторий «Кавказская Ривьера»

привозили машины раненых. Мы, дети врачей, жили тут же, медикам выделили один из корпусов. Отец, несмотря на инвалидность, устроился на работу, возглавлял группу ремонтных рабочих в госпитале, так как все время нужно было подавать электроэнергию, воду, тепло.

Вот этот период – мне семь лет – реально перед глазами. Я уже умею читать и даже писать. Меня попросили писать письма раненых домой, но тут выяснилось, что у меня такой отвратительный неразборчивый почерк, что письма выглядели бы издевательством. Помню, я очень переживал, что не могу помочь, но, увы, почерк остался «самодеятельным» на всю жизнь.

Конечно же, поразили деревья, цветы, я не знал слово «субтропики», но после знойного сухого Ташкента природа в Сочи, особенно в санатории, казалась чудом. В санатории была еще довоенная библиотека. И новые книги, которые я читал, – «Хижина дяди Тома», «Робинзон Крузо», чеховская «Каштанка», заставляли

Выпускной четвертый класс. Я правее учительницы, имя, отчество и фамилию которой никак не могу вспомнить. Может, читатели помогут?

плакать, смеяться, может быть, даже сыграли дурную шутку. Мне кажется, что в детстве и юности мне читать было интереснее, чем жить. Лишь сейчас я понял, что это перегиб, перекося, что это неправильно. Но у меня это было так, лет до 18-20-ти.

И еще не запомнил я в Одессе моря, хоть жили мы до войны на 10-й станции Большого Фонтана. Знаю по рассказам мамы, что однажды, увидев паяльщика и услышав его «Паяю, починаяю», я удивленно спросил взрослых: «Что, паяльщик может море запаять?».

А вот в Сочи я наслаждался морем. Правда, привыкнув к воде 24°, я потом обычную для Одессы 18-19° воспринимал как ужасно холодную.

В детстве у меня не было игрушек. Но были удивительные плоские сочинские камни. Мы собирали их, хвастались ими друг перед другом. А иногда находили осколки снарядов – это уже было «высшим пилотажем» в наших коллекциях.

Запомнился день 10 апреля 1944 года. Мне кажется, Сочи не видел такого самодеятельного салюта за все предыдущие годы войны. Военврачи-одесситы, раненые танцевали, пили грузинские вина (Грузия под боком). Мне кажется, именно тогда я попробовал первый бокал шампанского.

Отец, который до войны вообще не пил, оскоромился в июне 1941 года, а меня, потом мою сестру приучал понемногу пить дома. «Не нужно, чтобы эта учеба пришла с улицы».

В конце апреля – начале мая 1944 года отец получил командировку в Одессу. Он должен был подобрать санаторий, где осядет госпиталь, и выяснить, остались ли целы квартиры врачей-офицеров. Насколько я понимаю, с задачей он справился хорошо – госпиталь в августе занял Лермонтовский санаторий, все врачи были обеспечены квартирами. Наш дом на углу Тираспольской и Новосельского был разрушен. Отец взял в горисполкоме ордер в доме на расстоянии двух кварталов – на Кузнечной, 29. Это была «отдельная», как говорили тогда, квартира, одна большая комната в 46 м² и кухня. Когда мама потом пыталась отца, почему не две-три маленькие комнаты, отец убежденно отвечал: чтоб не «уплотнили». Навсегда вошло в него это советское – уплотнить. И он был убежден, что сделал правильный выбор. Высота

комнаты более 4,5 метров! Что ж, пришлось жить всем в одной большой комнате, но у каждого был свой угол.

Не понимаю почему, но первое морское путешествие не запомнилось. Сели на какой-то транспорт в Сочи, лучшие каюты – раненым, мы где-то внизу. А через три дня – в Одессе. Встречал нас отец, встречали офицеры из округа. Развезли на бричках – вот это запомнилось – по домам.

Мне было 8 лет. Идти в первый класс переростком стыдно. И отец принимает волевое решение. Этот учебный год я буду заниматься с ним, а в сентябре 1945 года пойду сразу в третий класс. Трудно мне сейчас сказать, насколько это было верным. По черк мне никто не исправил. Но книг я прочел много. Тем более что буквально с конца 1944 года, устроившись на работу главным инженером толевого завода, отец стал комплектовать библиотеку. Познакомился с каким-то «холодным букинистом», и тот нам приносил собрания сочинений классиков в дореволюционных изданиях, и отец сам еженедельно покупал новинки, особенно приключенческого жанра – от Джека Лондона до Дюма... Так что первый год в Одессе мне было не скучно.

Подумал, что очень скороговоркой написал я о книгах, которые собирал отец. А ведь это были сытинские тома Льва Толстого – три тома «Войны и мира», «Анна Каренина», «Детство. Отрочество. Юность», это был 9-томный Н.В. Гоголь, изданный В. Каллашем перед революцией, это был 6-томный академический А. Пушкин, изданный в 1936-37 годах к столетию гибели поэта. А рядом 6 томов «Великой реформы», изданной в 1911 году, к 50-летию отмены рабства в России, «Детская энциклопедия»... А Джек Лондон был полный в издании «ЗиФ», отец сам переплетал тоненькие книги в отдельные романы, Вальтер Скотт был в издании Сойкина... Даже забытый нынче Писемский написал 24 тома...

Разлетелись, разбежались эти книги. Сейчас из них лишь дореволюционная «Детская энциклопедия» у моих дочки и внушки. Я собирал затем уже свою, совсем иначе построенную библиотеку. Но воспитала меня библиотека отца...

Май 1945 года – это Победа. И вновь всю ночь грохотала наша тихая Кузнечная улица. Дворник на всякий случай запер ворота. Жильцы дома вышли во двор, вынесли какую-то снедь. Кстати,

эта традиция жила в доме до середины 50-х годов, и фрукты с деревьев разносили по квартирам – всем по чуть-чуть...

Это был мой последний безмятежный год. Нет, конечно, и весна, и лето 1946 года были моими. И лишь 1 сентября 1946 года я переступил порог 107 школы, поступив в третий класс. С ужасом посмотрела моя первая учительница на мои каракули. Но поговорила со мной, как видно, осталась довольна общими познаниями и с улыбкой сказала: «Вот мой адрес на Дегтярной, будешь заходить, я буду давать тебе дополнительные задания на неделю». Признаюсь, я испугался. Но все окончилось превосходно. Когда я зашел к ней, она подвела меня к книжному шкафу и достала томик Александра Грина «Бегущая по волнам» и «Алые паруса» (тогда эти книги не выдавались в библиотеках): «Прочти и перескажешь соученикам на уроке на следующей неделе». Мне до сих пор стыдно, что я не могу вспомнить имя, отчество и фамилию этой преподавательницы, учившей когда-то гимназистов, а затем отдававшей нам все время и свое сердце. У нее я прозанимался третьей и четвертый класс, так называемую начальную школу.

Впрочем, с приходом в школу детство кончилось. Если следовать дроблению возраста за Львом Толстым, начиналось отрочество со своими радостями, горестями, влюбленностями, с противопоставлением себя родителям, с поиском друзей, с пониманием, что мир огромен, с желанием узнать свой город, посетить Москву, Ленинград – тогда не приходило в голову, что нужно Париж или Лондон, Рим или Вену, не говорю уже о Нью-Йорке. Но весь мир тогда открывался в коллекциях марок (Тува, Испания, Принцезы острова), а город звал обойти его ногами, от Молдаванки до Дачи Ковалевского...

Но это уже было в отрочестве, когда я попрощался с детством.

